

— Это подарок от его бабушки на рождение. А Юэ очень ностальгирующий, в детстве он, по правде, редко носил тот замок долголетия, а когда вырос, не знаю когда, откопал его, и с тех пор часто видел его на нём.

Бай Сяо задумчиво кивнул и снова спросил:

— А почему потом отношения его родителей испортились?

Тётя Мэй снова вздохнула:

— Люди всегда не знают, что имеют, пока не потеряют. Есть домашние, а всё равно хочется и сторонних не упустить... У господина на стороне всегда были женщины, просто госпожа об этом не знала... Если говорить честно, господин очень хорошо это скрывал, даже когда были связи на стороне, к жене относился хорошо. До... пока А Юэ не исполнилось восемь-девять лет...

— В год, когда А Юэ было семь, у отца госпожи внезапно случился сердечный приступ, и он умер. Тогда госпожа очень горевала, долго была в депрессии. Сначала господин ещё старался проводить время дома с ней, но потом постоянно находил отговорки — деловые встречи и тому подобное — и не возвращался. Тогда-то госпожа и начала подозревать господина. Каждый раз, когда господин возвращался, госпожа закатывала с ним скандал... Потом она наняла частного детектива проверить господина, и действительно что-то нашла.

— Ту секретаршу рядом с господином Чэном ты тоже видел, тоже персонаж. Она столько лет была рядом с господином, и даже когда у господина позже были другие любовницы, она нисколько не бунтовала... К тому времени, когда госпожа узнала о её существовании, внебрачному ребёнку уже было пять лет.

— А потом... госпожа вскрыла вены. Ох... тот раз, как вспомнишь, так сердце заходится. В ванной, кровь везде... Это А Юэ первый обнаружил, тогда он очень сильно испугался, с тех пор этот ребёнок стал очень мало говорить, в детстве он был не таким... Эй-эй-эй, вода выливается!

Тётя Мэй тронула Бай Сяо, и только тогда он опомнился: он так слушал её, что вода из лейки перелилась через край горшка.

Он поспешно поставил лейку вертикально, взглянул на комнату Чэн Юэ — там шторы ещё не были раздвинуты — и снова спросил:

— А потом... они что, так и не развелись за столько лет?

— Всё из-за вопросов имущества... Семья госпожи слишком её оберегала, после смерти отца госпожа могла рассчитывать только на господина. Госпоже было трудно смириться, она ни за что не хотела делать приятное той третьей, как только господин заводил речь о разводе, она начинала ему угрожать. Семья Чэн теперь крупная, не то что раньше, репутация очень важна... Хотя я думаю, что госпожа, наверное, и эмоционально не хотела развода, ведь до того они жили слишком счастливо. Потом господин из чувства вины стал относиться к жене ещё лучше, этот кнут и пряник... длится уже двадцать лет.

Бай Сяо мысленно процедил: это же легендарные подлец и дура... тьфу-тьфу-тьфу, всё-таки родители Чэн Юэ.

Эх, как жаль.

* * *

Ближе к восьми часам шторы наверху наконец раздвинулись. Чэн Юэ, глядя на двоих, хлопочущих в саду на заднем дворе, был в прекрасном настроении.

Он спустился вниз, как раз когда Бай Сяо и тётя Мэй закончили возиться с цветами в саду. Тётя Мэй пошла готовить завтрак, а Бай Сяо сопровождал Чэн Юэ в спортзал.

После того как Чэн Юэ забеременел, под руководством врача он продолжал заниматься спортом, плюс правильное питание, поэтому почти не поправился. А вот Бай Сяо от банкета по окончании съёмок до трёх дней празднования Нового года дома только и делал, что ел, ел и ел, так что в последние дни даже контуры пресса стали менее заметными. Нужно было срочно позаниматься вместе с Чэн Юэ.

Чэн Юэ медленно шёл на беговой дорожке, а Бай Сяо рядом делал отжимания. Через некоторое время Чэн Юэ начал бежать трусцой. Бай Сяо в шоке уселся на коврик:

— Ты-ты-ты... ходить — это ещё куда ни шло, но как ты ещё и бегать начал! Врач разрешил бегать?

Чэн Юэ, бегая, искоса взглянул на него:

— Конечно, разрешил. Раньше я часто бегал, физическая форма довольно неплохая. Врач сказал, можно продолжать, но интенсивность нагрузки всё же меньше, чем раньше.

Выслушав это, Бай Сяо молча достал телефон и щёлкнул его фотографию.

— Что ты делаешь! — возмутился Чэн Юэ.

— Фотографирую тебя, красавчика! Когда Маленький Саженец вырастет, покажу ему, какой у него крутой папа!

Чэн Юэ беспомощно покачал головой:

— Удали.

Бай Сяо не понял:

— Почему? Очень круто же...

Чэн Юэ нажал на паузу, беговая дорожка постепенно остановилась.

Он замер, опустил взгляд на сидящего на полу Бай Сяо и сказал:

— Круто? Тебе не кажется... — Он сделал паузу, затем продолжил:

— Не кажется, что такое состояние очень странное?

Чэн Юэ обычно всегда выглядел холодным, словно ему совершенно безразлично, что думают другие. Но в момент, когда он решил задать этот вопрос, на его лице мгновенно отразилась меланхолия, словно он стоял на месте и ждал приговора.

В глазах Бай Сяо мелькнуло что-то, сердце сжалось от жалости, захотелось крепко обнять его и приласкать.

Он приподнял бровь, упёрся локтем в колено, подпирая щёку тыльной стороной ладони, поднял голову и посмотрел на него с дурацкой улыбкой:

— Кто сказал? Как ни посмотри, всё равно очень круто.

В сердце Чэн Юэ что-то ёкнуло, он понял, что тот его утешает, и вдруг почувствовал, что его вопрос немного детский и смешной. Немного смутившись, он повернулся, снова включил беговую дорожку и побежал трусцой.

Бай Сяо поднялся с коврика за его спиной, подошёл к беговой дорожке, прилёг на ещё вибрирующий передний край и сказал:

— Вообще-то... для мужчины это действительно кажется немного странным...

Чэн Юэ взглянул на него, сердце постепенно похолодело.

— ... Но... — Бай Сяо, не отрываясь глядя на него, медленно произнёс:

— Это твоя уникальная особенность, у других такого нет. Вот я, например, когда впервые увидел тебя у тебя дома, сразу захотел родить тебе обезьянку, но небеса не дали мне такой функции...

Чэн Юэ почувствовал, что настроение мгновенно улучшилось, и шлёпнул его по голове:

— Хе-хе, пользуешься положением, а ещё и недоволен. Хоть немного совести!

Бай Сяо же совершенно не обращал на это внимания, всё так же глядел на него с сияющей улыбкой:

— Помнишь, я говорил тебе давно? Когда узнал, что ты беременный, подумал, что это невероятно чудесно, это точно дар богов — для меня в тебе нет ничего несовершенного.

Чэн Юэ подумал, что, наверное, переборщил с нагрузкой, раз сердце бьётся так быстро... Ведь такие приторные слова, от которых мурашки по коже, абсолютно не могут его растрогать!

Абсолютно не могут!

Он убрал руку с головы Бай Сяо, снова остановил беговую дорожку и несколько неестественно произнёс:

— ... У тебя волосы слишком короткие, колются. Лучше бы совсем побрил.

Сказав это, он сошёл с беговой дорожки... всякое желание продолжать тренировку пропало.

Как только он сошёл, Бай Сяо догнал его и обнял сзади.

— ... Что тебе надо.

— Ничего, просто очень хочется обнять тебя. Немного не обниму — чувствую пустоту. Я больше месяца тебя не видел, мне нужно много-много утешения...

Чэн Юэ чувствовал, что, казалось бы, испытывает к нему отвращение, но... почему же сердце бьётся ещё быстрее?

Хотя... чувство, когда он в его объятиях, действительно неплохое...

И потому Чэн Юэ в итоге так и не вырвался. В последнее время ритм жизни становился всё медленнее, солнечный свет проникал сквозь стекло, было тепло и уютно, и он чувствовал, что может ещё немного погрузиться в эти объятия.

Бай Сяо снова начал тереться своей колючей головой о его шею. Чэн Юэ не выдержал и прижал его голову:

— Действительно очень колется... Лучше бы побрил наголо, возможно, было бы приятнее на ощупь.

Бай Сяо мгновенно возгордился:

— Это да, моя голова — идеально гладкая. Как только вернулся домой, папа, мама, дедушка, бабушка — все меня обтрепали...

И вот, когда после полудня тётя Мэй вернулась из города, она увидела, что они вдвоём устроились на балконе. Бай Сяо сидел на ковре, скрестив ноги, с удовольствием читая книгу. А Чэн Юэ полулежал в шезлонге, в одной руке тоже держа книгу, а другой... гладил Бай Сяо по голове.

Тётя Мэй опустила то, что держала, покачала головой и вздохнула:

— Бай Сяо, а у тебя опять голова лысая...

Бай Сяо мгновенно взъерошился... хотя особо и ежиться-то было нечем.

— Что значит лысая! Это не лысая! Это бритная! Бритная! И лысая — это разные вещи!

Оправдавшись, Бай Сяо указал на Чэн Юэ:

— Он же хочет погладить, вот и побрил...

<http://bllate.org/book/15597/1390915>